

АВЕРИН | ВАРДУНАС
ХРОНОС
РЕКОНСТРУКЦИЯ | ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Игорь Владимирович Вардунас
Никита Аверин
Реконструкция. Возрождение
Серия «Хронос», книга 5**

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880637

Реконструкция ; Возрождение : фантастические романы / Никита Аверин, Игорь Вардунас.:

Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72473-4

Аннотация

Грандиозный финал самого непредсказуемого литературного проекта в отечественной фантастике. Противостояние двух корпораций «Хронос» подходит к концу, и судьба всего мира теперь зависит от решения одного-единственного человека. Удастся ли ему разорвать временную петлю, в которую, как в ловушку, угодила Вселенная? И по чьей прихоти появились на свет загадочные корпорации, меняющие мировую историю в одном только им ведомых целях?

Ответы на эти и другие вопросы вы узнаете, прочтя завершающие романы цикла!

Содержание

Реконструкция	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвёртая	29
Глава пятая	41
Глава шестая	54
Глава седьмая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Никита Аверин, Игорь Вардунас Реконструкция. Возрождение

© Аверин Н., Вардунас И., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Реконструкция

Эту книгу мы посвящаем Великим Людям. Всем тем, кто, сражаясь и умирая в нечеловеческой борьбе за будущее, своей жертвенностью и отвагой подарили нам настоящее.

Глава первая

Когда свобода умерла
И правда отрицалась,
Мы все попали на поезде в один конец,
Идущий прямо в Ад.
Войдите в ворота!

Когда свобода полыхает в огне,
Окончательное решение —
Расстаться со своей мечтой,
И всякая надежда обернётся прахом,
Когда миллионы горят...

Занавес упал,
Потерянные для мира, они сгнули в огне...

Sabaton, «The Final Solution»

Польша, Собибор, 1943

Когда эшелон с заключёнными достиг района Люблина, среди узников впервые прозвучало страшное слово «Собибор»¹. Юный Яков Штейн не понимал, что послужило причиной для волнений. Всё, что он видел сквозь узкие щели в дощатых стенах вагона, мало чем отличалось от виденного им ранее. Всё та же лесистая местность, покосившиеся дома и заброшенные поля. Но стоило поезду сделать непродолжительную остановку на полустанке с указателем «Еврейский переселенческий лагерь», как запертые в вагонах люди заволновались.

– Мама, – Яков обратился к стоящей рядом женщине в коротком поношенном пальто, – что происходит?

– Ничего, Яшенька, всё хорошо, – женщина крепко обняла сына, стараясь не выдать перед ним своего испуга. В отличие от детей, взрослые прекрасно понимали, что ждёт их в конце этой поездки. Но они ещё не знали, насколько страшнее окажется реальность по сравнению с их самыми мрачными ожиданиями.

Единственным исключением являлся Михолок Штейн, отец Якова, который с самого начала знал, что им всем уготована смерть. Ещё в Варшаве, при посадке на поезд, Михолок стал ждать смерти, и потом всё время, каждую минуту, секунду, он знал, что его и членов его

---

¹ Спецлагерь СС «Собибор» – один из основных лагерей массового уничтожения, располагавшихся в годы Второй мировой войны на территории Польши, неподалёку от деревни Собибор. Функционировал с мая 1942 г. по октябрь 1943 г.

семьи могут убить в любой момент. Просто выстрелят в затылок за то, что ты поднимешь глаза на охранника, или за то, что не расслышишь приказа, или просто конвоир окажется в плохом настроении.

Штейн-старший знал, что их везут в лагерь уничтожения. Знал, что четверо суток в тесном вагоне без окон и элементарных удобств станут последними днями в их жизни. Когда поезд достигнет конечной станции, то ему, его жене Марии, а также их сыну Якову и дочке Еве придёт конец.

Но Михолок не делился своими догадками с окружающими, даже с женой. Несмотря на страх и отчаянье, он верил в то, что бог не оставит их и не допустит столь чудовищного преступления. Погибнуть могут другие, только не он и не его семья.

Тем временем железнодорожное полотно плавно уводило поезд всё глубже в лес, пока не упёрлось в тупик, в котором располагался лагерь. Эшелон постепенно замедлял ход, пока, наконец, не остановился.

Перед взором Якова, вновь прикипшего к щели в стене, простирался длинный, переплетающийся с сосновыми ветками забор из колючей проволоки. Как загипнотизированный, Яков уставился на готические буквы сверху над воротами, ведущими внутрь: «SS-Sonderkommando Sobibor»².

За закрытыми дверьми вагонов раздавался собачий лай и отрывистые команды на немецком языке. Через некоторое время двери распахнулись, и узников ослепил яркий направленный свет прожекторов.

– На выход! Быстро, быстро!

Вошли несколько солдат и принялись выгонять пассажиров из вагона, придавая вес своим командам при помощи тумаков и зуботычин. Они не делали разницы между тем, кого ударить, с одинаковой жестокостью избивая женщин, детей и стариков.

– Пойдёмте, быстрее! – Михолок схватил жену за руку и потянул к выходу из вагона. – Дети, держите нас за руки! Ни в коем случае не отпускайте...

Произнести фразу до конца Штейн-старший не успел. Пространство вокруг них наполнилось грохотом выстрелов и последовавшей за этим какофонией криков боли и ужаса. Побоями и бранью евреев выталкивали из вагонов и загоняли на специальную разгрузочную платформу.

Яков, охваченный паникой, крепко ухватился за руку матери и испуганно озирался по сторонам.

Оказалось, что внутрь лагеря доставили не весь эшелон, а только первые пять вагонов. Площадку, на которую выгнали узников, с трёх сторон охраняли солдаты в форме СС и травник³, от которых сильно разило спиртным.

– Внимание! Просьба построиться; женщины налево, мужчины направо.

Несколько травников из оцепления врезались в столпившихся узников и силой стали рассортировывать их на женскую и мужскую половины. При этом они требовали отдать багаж.

– Не беспокойтесь, вам всё вернут! – улыбался травник, буквально вырывая из рук Михолока чемодан со всеми оставшимися после погромов пожитками семьи Штейн. – А сейчас встаньте в правую очередь!

– Простите, но... – попытался было возразить Михолок, но травник его не слушал. Штейн растерянно посмотрел на жену: – Прости, милая, я не смог ему помешать.

---

² «Зондеркоманда СС «Собибор» (нем.).

³ Коллаборационисты, бывшие военнопленные из Красной Армии, называемые так в связи с тем, что большинство из них прошли обучение в лагере «Травники».

– Всё хорошо, Михолок, – жена постаралась приободрить мужа. – Он сказал, что мы получим вещи назад.

– Ты что, и правда ему веришь? Мария, ты до сих пор не понимаешь, куда нас привезли? – возмутился Штейн. Мужчина был напуган и унижен и чуть не выплеснул своё отчаянье на жену.

– Михолок, не повышай голос при детях! Им и так страшно.

Штейн примолк, но было поздно. То, что он боялся озвучить во время четырёхдневного переезда, наконец-то прозвучало. Его слова заронили зерна страха.

Стоявшие рядом с ними люди стали настороженно оглядываться вокруг. Несмотря на улыбчивые лица охранников и их слова о том, что здесь узникам нечего бояться, многие из прибывших догадались о том, какая участь их ждёт.

Над лагерем стоял смрад от разлагающихся тел.

Поднялся шум, плач и крики. Люди принялись валяться по земле и отказывались подчиняться приказам охранников.

– Прекратить панику! Немедленно построиться и пройти к навесам! – заорал в жестяной рупор офицер, судя по лычкам, унтершарфюрер СС. Людей, оказавших сопротивление, травники принялись избивать плётками, прикладами карабинов и просто руками и ногами. Несколько солдат из оцепления вновь выстрелили в воздух. Унтершарфюрер продолжал успокаивать толпу: – Вам нечего бояться! Вы обязаны помыться в бане, после чего вас отправят работать в Украину.

Прибывшие на поезде люди сдались. Подгоняемые ударами охранников, наконец-то стали строиться в мужскую и женскую очереди.

– Михолок! Яков! – в отчаянье закричала Мария, когда коренастый травник грубо вырвал её из объятий мужа и оттолкнул сына в сторону мужской половины толпы.

– Не смей трогать мою жену!

Это стало последней каплей. Штейн-старший бросился на обидчика с кулаками. Но что хилый учёный мог противопоставить злобному громиле. Травник лишь раз ударил Михолока прикладом автомата в солнечное сплетение, и тот без чувств рухнул на землю.

– Нет! – Мария из последних сил пыталась дотянуться до распростёртого на земле мужа, но толпа волокла её в противоположную сторону. Женщине ничего не оставалось, кроме как пытаться удержать рядом с собой плачущую Еву. – Яков, позаботься об отце...

Юноша бросился на помощь Штейну-старшему, но ему помешал солдат, держащий на поводке хищно оскалившую пасть овчарку.

– Куда прёшь, собака? – немец преградил Якову дорогу к отцу и показал пальцем в сторону одного из навесов: – Мужская раздевалка в той стороне. Иди! Или ты хочешь, чтобы я Mensch⁴ помог тебе найти дорогу? Шевелись, еврейская собака!

Яков, который к этому моменту уже пребывал в полуобморочном состоянии, послушно пошёл в указанном направлении.

«Собибор» действовал как чётко отлаженный механизм. Раздевалки для мужчин и женщин представляли собой навесы, загороженные с трёх сторон. Люди, подгоняемые ударами охранников, быстро раздевались и отдавали вещи источающим сивушный аромат травникам. Рядом с раздевалками имелось помещение, называемое «кассой», куда надлежало сдавать ценности.

– Не волнуйтесь! После бани вы получите свои вещи в целости и сохранности! – уверял запуганных людей коренастый травник, забирая деньги у очередного несчастного.

– Простите, но как вы поймёте, кому и что возвращать? – в недоумении спросил отдавший ему деньги толстый поляк, трясущийся от холода и страха.

---

⁴ Человек (нем.).

– У нас ничего не пропадает! Пошёл, не задерживай очередь! Следующий!

В женской половине раздевалки не только заставляли раздеваться догола, но стригли женщинам волосы. Срезавший локоны практически под корень цирюльник успокаивал плачущих женщин.

– Это всё ради вашей пользы, милочка! В дороге вы могли подхватить вшей. А после бани мы выдадим вам чистую одежду, и вы можете больше ни о чём не волноваться. А волосы ещё отрастут!

Охранники уже теряли последний налет дружелюбности и постоянно подгоняли и торопили людей. А если кто-то не хотел или медленно раздевался, то тут же начинали избивать плётками, прикладами или травили собаками.

От каждой из раздевалок далее шёл коридор длиной в сорок метров и шириной около трёх метров. Женщин с детьми направляли в один коридор, мужчин в другой.

– Снять одежду! – один из травников в мужской раздевалке ткнул дубинкой в плечо Якова Штейна. – Ценные вещи сдать в кассу!

Двигаясь словно во сне, Яков вывернул карманы своего пальто, в которых практически ничего не было. Лишь пара грошей и несколько листов бумаги.

– Что это? – спросил коренастый травник-кассир, разворачивая листки. Яков запоздало понял, что это чертежи отца, неведомо каким образом оказавшиеся во внутреннем кармане его пальто. – Ты, Штейн, инженер-конструктор?

Штейн-младший автоматически кивнул, слабо понимая в этот момент, что происходит вокруг него. Тем временем коренастый что-то сказал стоявшему неподалёку эсэсовцу. Тот схватил Якова за рукав и оттащил в сторону.

– Стой здесь. Пойдёшь в другой очереди.

Яков вновь кивнул, выискивая глазами в толпе свою семью. Но перед его взглядом всё плыло, нагие лысые люди были абсолютно идентичны. Ему не оставалось нечего иного, кроме как стоять и наблюдать за происходящим со стороны.

Только сейчас он заметил, что немцы отделили от общей толпы не только его. На площадке перед вагонами остались старики и те люди, кто не имел сил передвигаться самостоятельно. Но почему-то их тоже заставляли раздеваться и отдавать ценные вещи и деньги.

Тем временем нагих и остриженных людей стали сгонять группами в коридоры рядом с раздевалками. Каждую группу сзади подгоняли немцы с плётками и травники с палками, которыми избивали жертвы в случаях, когда последние оказывали сопротивление и не желали идти в бани.

Перед самым входом в душевые кабины началось сопротивление, люди не хотели заходить в них, но охрана, применяя насилие, загнала нагих мужчин и женщин внутрь. Когда почти вся партия приехавших, около восьмисот человек, оказалась в бане, дверь плотно закрылась.

Люди замерли в испуганном ожидании. Окон в здании бани не было, только сверху было стеклянное окошечко, через которое на столпившихся внизу людей смотрел улыбающийся немец.

– Михолок! Яков! Ева! – Мария Штейн в ужасе металась по забитой голыми телами женской душевой и пыталась отыскать своих родных. Но вокруг были лишь голые напуганные женщины и дети. Мария глотала слезы и почти впала в отчаянье, когда навстречу ей кинулась худенькая, бритая наголо девочка.

– Мама!

– Ева, доченька моя! – Мария прижала к себе дрожащее, словно лань, тело дочери и стала неистово целовать её бритую головку. – Что же они с тобой сотворили, маленькая моя? Они тебя били? Ты видела папу? А Якова?

Но дочь лишь отрицательно мотала головой в ответ.

Запертые в душевых люди не знали, что немец на крыше, которого в лагере называли «банщиком», махнул рукой, подавая сигнал. В пристройке рядом с баней заработала машина.

– Мама, что это? – Ева смотрела на мать огромными карими глазами.

– Не знаю, доченька...

Мария действительно не знала, что шум издают несколько старых танковых моторов, вырабатывающие удушающий газ, который поступал в баллоны, из них по шлангам и трубам – в помещение «бани».

Через пятнадцать минут все находившиеся в камере были задушены.

«Банщик», следивший через своё окошечко за процессом умерщвления, ещё раз махнул рукой, и подачу газа прекратили. Полы в газовых камерах, которые прибывшие в лагерь люди принимали за душевые кабины, механически раздвинулись, и трупы свалились вниз, в подвал, в котором находились вагонетки.

«Рабочая команда», состоявшая из числа таких же узников лагеря, складывала трупы казнённых в вагонетки и вывозила свой страшный груз из подвала в лес, где был вырыт огромный ров, в который сбрасывались трупы.

Трупы, мокрые от пота и мочи, с ногами, запачканными экскрементами и кровью, выбрасываются наружу. Высоко в воздух подлетают детские тельца. Плётки травников подгоняют заключённых из «рабочей команды». Две дюжины дантистов в поисках золотых коронок крюками открывают челюсти. Другие дантисты выламывают золотые зубы и коронки при помощи щипцов и молотков.

Всего этого Яков Штейн ещё не видел. Всё его внимание в тот момент было приковано к оставшимся на платформе людям.

– А куда их? – обратился Яков к стоящему рядом солдату.

– В лазарет, – усмехнулся тот в ответ. И эта улыбка очень не понравилась молодому Штейну. Больше всего она напоминала волчий оскал.

Стоявшие в оцеплении травники и немцы собрались вокруг скопившихся в центре платформы больных, истощённых стариков и маленьких детей, не способных дойти до «бани» самостоятельно.

– «Рабочая команда!» Приступайте! – командовавший разгрузкой унтершарфюрер СС взмахнул рукой, и на платформе появились несколько десятков человек в лагерной форме с номерами.

Люди из «рабочей команды» подбирали лежащих на земле стариков и больных, брали за руки детей и направлялись в сторону места, огороженного колючей проволокой с ветками. Вслед за ними пошли и несколько травников и немецких солдат, перезарядивших на ходу винтовки.

Якова затрясло от осознания происходящего. В так называемом «лазарете» не собирались лечить. Там была лишь яма, на краю которой люди из «рабочей команды» оставляли своих подопечных и спешно покидали место будущей казни, оставляя жертв наедине с их палачами. Травники неторопливо встали строем за спинами молчащих стариков и детей, отошли на пять шагов назад, вскинули винтовки и прицелились.

– Почему они не плачут? – всё ещё не способный поверить в происходящий на его глазах кошмар, Яков не мог оторвать взгляд. – Почему дети не плачут?..

Грохот выстрелов.

– Давайте следующую партию! – приказал унтершарфюрер и широко зевнул. – Хорошо бы управиться до ужина. Не хотелось бы из-за этого мусора есть остывшее жаркое.

* * *

Большинство заключённых, привозимых в лагерь «Собибор», умерщвляли в тот же день в газовых камерах. Лишь незначительную часть оставляли в живых и использовали на различных работах в лагере. Их называли «рабочей командой», в которую входило несколько сотен евреев. Их заставляли обслуживать газовые камеры, заниматься ликвидацией трупов и сортировкой изъятых вещей. Тех, кто утрачивал работоспособность, уничтожали, заменяя наиболее сильными мужчинами из очередной партии. Квалифицированные рабочие и инженеры находились в несколько лучшем положении, чем остальные узники, с которыми, как правило, обращались крайне жестоко.

Якову Штейну, по стечению обстоятельств, удалось оказаться в числе таких выживших. Его спасением стали чертежи отца, на которые наткнулся при обыске один из травников. Якова посчитали инженером и оставили живым. Что стало с самим Михолоком, Штейну-младшему узнать так и не удалось. Он не мог вспомнить, видел ли отца среди угодивших в тот день в «баню» или «лазарет», но среди выживших его точно не было.

С людьми в лагере обращались как со скотом – очень жестоко. Травники и немцы избивали узников по поводу и без повода. Поэтому Яков старался не попадаться им лишним раз на глаза. Стоило встретиться с кем-то из них взглядом, и провинившийся получал удар кнутом. И это в лучшем случае. Также стоило остерегаться капо⁵, перейти дорогу которым означало верную гибель от рук травников.

Первые недели заключения Яков посвятил изучению «Собибора» и его внутреннего мироустройства. Одним из главных для него открытий стало то, что в лагере содержались не только евреи из генерал-губернаторства⁶, но и из оккупированных германской армией районов Советского Союза, а также из Чехословакии, Австрии, Литвы, Нидерландов, Бельгии и Франции.

«Собибор» построили польские евреи, мобилизованные на принудительные работы, и советские военнопленные. Лагерь окружали четыре ряда колючей проволоки, с вплетёнными в них ветками деревьев, высотой под три метра. Пространство между третьим и четвёртым рядами было заминировано, а между вторым и третьим ходили патрули. Днём и ночью на вышках, откуда просматривалась вся система заграждений, дежурили часовые.

Внутреннее пространство лагеря делилось на четыре основные части – «подлагеря», у каждого было своё строго определённое назначение. В первом находился рабочий лагерь, мастерские и жилые бараки. Во втором – парикмахерский барак и склады, где хранили и сортировали вещи убитых. В третьем находились газовые камеры, где умерщвляли людей. В зоне номер четыре планировали заниматься переоснащением трофейного советского вооружения.

Комендантом лагеря являлся обершарфюрер СС Карл Френцель. Это был зверь: если замечал какое-то неповиновение, если что-то ему не нравилось, он доставал оружие и убивал. Он был из тех, кто убил тысячи людей, убил собственноручно, убил с наслаждением. Его любимым развлечением было кинуть на землю бумажку и велеть узнику поднимать ее. Тот нагибался, и комендант стрелял ему в затылок. Причем Якова поразило то, что Френцель всегда аккуратно отступал на шаг, чтобы не забрызгать форму.

Вновь прибывшим на службу в лагерь комендант в краткой форме объяснял, что здесь производится «переселение евреев на тот свет».

---

⁵ Надсмотрщики без оружия из заключённых.

⁶ Так называемым «генерал-губернаторством» являлись территории Польши, оккупированной Германией во время Второй мировой войны. Официальное название – «Рейхскомиссариат Украина».

Штаб коменданта состоял из трёх десятков унтер-офицеров и ещё трёх десятков солдат СС, многие из которых имели опыт участия в программе по эвтаназии. Рядовых охранников или «вспомогательную полицию» для несения службы по периметру лагеря набрали из травников и гражданских добровольцев. Все они были людоедами, вели себя как звери.

* * *

Дни лагерной жизни текли для Якова Штейна подобно древесной смоле. Смола стала для него символом его жизни. Он чувствовал себя мошкой, застывшей в капле янтаря. Ежедневный кошмар – и днём и ночью вокруг юноши царили смерть и отчаянье. Жизнь для юноши свелась к ожиданию того, что его кто-то убьёт за провинность или ради развлечения.

Боль, холод, страх и голод. Якову постоянно хотелось есть, но он ещё не дошёл до того, чтобы грызть кору деревьев, как делали многие узники. Травники кормили тех, кто ещё мог работать. Так что Штейн старался изо всех сил, хотя умом он понимал, что надолго его не хватит.

В пять утра заключённых поднимали с холодных нар и отправляли на железнодорожную платформу встречать новые эшелоны смертников. Каждый день в «Собибор» прибывали колонны голландских, польских и чешских евреев, которых отправляли на прогулку по «химмельштрассе»⁷, после чего уничтожали и сжигали, оставляя на работы совсем немного человек.

«Рабочая команда» увозила в лес так много тел погибших евреев, что люди в окрестных деревнях шептались, что рвы в лесу переполнены покойниками – стоит нажать ногой, как из-под земли выступает кровь.

Если Якову везло, то его отправляли на сортировку. Тысячи мужских костюмов и комплектов белья, десятки тысяч комплектов женской и детской одежды. Золотые зубы переплавят в слитки и сдадут в Рейхсбанк на счета СС, а стекла очков пойдут на новые очки для немцев.

Противнее всего было сортировать волосы, которые отсылали на фабрику рядом с Нюрнбергом, где изготавливали войлок. Он шёл на зимнюю форму для солдат вермахта. Травники говорили, что часть волос идёт на изготовление мягких тапочек для экипажей подводных лодок, так как на лодке нельзя шуметь. В общем, спрос на волосы в Третьем рейхе был большим. При одной только мысли об этом Якова начинало тошнить.

Через месяц своего пребывания в «Собиборе» Яков стал всерьёз задумываться о побеге. Он знал, что мероприятие это опасное, но вполне возможное. Соседи по бараку рассказывали о том, как под прошлый Новый год из зоны уничтожения бежали пятеро узников-евреев. Но польский крестьянин донёс о беглецах, и польской «синей полиции» удалось их поймать. В качестве карательной акции в лагере было расстреляно несколько сотен заключённых. Говорили о ещё одном заключённом, который смог спрятаться в товарном вагоне под горой одежды, принадлежавшей убитым.

Но серьёзный удар по мечтам Якова нанесла неудавшаяся попытка побега, произошедшая прямо у него на глазах. Несколько человек отказались идти в газовую камеру и бросились бежать. Некоторых из них застрелили возле ограждения лагеря, других поймали и жестоко терзали в течение нескольких дней, пока не замучили до смерти.

До октября сорок третьего года всё существование Якова Штейна было пронизано ожиданием смерти и видением смерти других заключённых. Каждый час, каждый миг окружающий мир ломал его уверенность в том, что он сможет выжить. Единственным спасением для него стала мысль, которую он повторял вновь и вновь: я должен вырваться отсюда.

---

⁷ «Дорога в рай». Так эсэсовцы называли коридоры из колючей проволоки, ведущие к газовой камере.

Яков знал, что как только вера в освобождение исчезала, человек погибал. Поэтому Штейн продолжал верить несмотря ни на что.

– Я выживу! – шептал он холодными ночами. – Выживу и найду способ отомстить.

* * *

Всё изменилось в тот день, когда в битком набитом вагоне из Минска в «Собибор» доставили Печерского.

Это случилось в конце сентября, когда в лагерь прибыл эшелон с военнопленными евреями во главе с советским лейтенантом Сашей.

Поскольку Саша был офицером, его не отправили сразу «попариться» в лагерной бане, а оставили для допроса. Поселили Печерского в том же бараке, где жил Яков Штейн, и именно Яков был первым, с кем лейтенант заговорил.

– Да, парень, у тебя не лицо, а северное сияние!

Штейн озадаченно посмотрел на русского. Во-первых, среди узников было не принято так громко общаться, так как это могло привлечь внимание капо или охранников. Во-вторых, Яков просто не понимал, о чём говорит собеседник.

– Не понимаешь, что ли? Северное сияние. Нордлихт⁸. Короче, синяк у тебя знатный, парень.

– Теперь понял, – кивнул в ответ Штейн, догадавшись наконец, что тот имеет в виду. Прошлым вечером Яков попал под горячую руку одному из травников, которому показалось, что еврей медленно закапывает яму для трупов. Выхватив из рук испуганного Якова лопату, травник с размаху ударил ею заключённого по лицу. Повезло ещё, что удар пришёлся плашмя. В противном случае, Штейн тут же и пополнил бы содержимое могильной ямы, а не ходил на полусогнутых ногах с огромным фиолетово-зелёным синяком на пол-лица. – Нордлихт – это северное сияние по-немецки? Красиво, надо будет запомнить.

– Приятно познакомиться! – русский встал со своего места и протянул Якову руку. – А меня зовут Александром Печерским. Но ты можешь называть меня Сашей.

– Яков Штейн, – юноша ответил на крепкое рукопожатие. – Но ты можешь звать меня Нордлихт.

В тот момент Яков ещё не знал, что всего через три недели Печерский вытащит его из этого ада.

---

⁸ Nordlicht – северное сияние (нем.). Возможно, советский офицер знает значение этого немецкого слова в связи с несостоявшейся операцией фашистских войск по захвату Ленинграда.

Глава вторая

Твои глаза почти мертвы.
Ты не можешь встать с постели,
И ты не можешь уснуть.
Ты смотришь в свои глаза в отражении,
И тогда ты понимаешь,

Что все уходят,
Оставляя
Тех, кто отстаёт.
Что все уходят
Так далеко, как могут.
Им просто не всё равно...

Placebo, «Holocaust»

– Нордлихт, расскажи мне про лагерь.

Улучив момент, когда в столярной мастерской они остались вдвоём, Саша встал за соседний со Штейном стол. Сегодня им было поручено сколотить три гроба для травников, погибших во время недавней аварии. Немецкие подручные, изрядно приняв на грудь слабо-разбавленного водой медицинского спирта, решили отправиться за добавкой. Пьяные, они сели на мотоцикл с коляской и отправились в ближайшую деревню, намереваясь экспроприровать всё спиртное, какое только смогут найти. Но неподалёку от лагеря управлявший мотоциклом травник то ли заснул, то ли потерял сознание и направил стального коня в кювет. Двое погибли на месте, а третий, тот самый, что был за рулём, протянул до полудня, оглашая лагерьный лазарет предсмертными воплями, пока, наконец, не испустил дух.

Яков, размечавший необходимую длину для досок, испугался. Но оглядевшись по сторонам, облегчённо вздохнул. Никого из надзирателей или капо поблизости не обнаружилось.

– Что именно ты хочешь знать? – не переставая заниматься своим делом, тихо спросил Яков.

За время пребывания в «Собиборе» Штейн успел побывать почти во всех его частях. Сам лагерь, по примерным расчётам Якова, занимал площадь около двенадцати гектаров, но он не был в этом уверен, так как в некоторые части лагеря путь ему был закрыт.

– Я был только в бараках, где мы ночуем, и в этой мастерской, – Печерский принялся пилить доски по отмеченным Яковым линиям. Ритмичный звук пилы практически заглушал их голоса. – А что в остальных частях лагеря?

– Сейчас мы с тобой в так называемом Первом секторе, или «подлагере». Здесь у немцев оборудованы мастерские: портняжная, сапожная, столярная. Это, кстати, объясняет, почему таких, как мы с тобой, не убили сразу. – Яков закончил разметку доски, переложил её на стол Саше и принялся за следующую. – Немцам нужны водопроводчики, слесари, столяры, плотники и обслуживающий персонал.

Из прибывших в первых партиях евреев несколько сотен было отобрано для работы в мастерских. Число этих евреев со временем достигло примерно тысячи человек, из них около полутора сотен девушек и женщин.

– Ага, – кивнул в знак согласия Печерский, – эти твари желают получать удовольствие от жизни. Я видел, как женщины-заключённые вяжут им носки и гладят рубашки. Они даже оставили в живых художника, еврея из Амстердама. Заставляют его рисовать их порт-

реты. Я записался столяром ещё в Смоленском лагере для военнопленных, хотя столярным делом никогда не занимался, – Печерский пустился в воспоминания. – Однажды ночью привезли одиннадцать убитых эсэсовцев, которых покروшили в капусту наши партизаны. Надзиратель распорядился сколотить одиннадцать гробов. Мы работали с великим усердием и думали: почаще бы случалась такая работёнка. Меня греет одна только мысль, что ещё несколькими фрицами на земле стало меньше. А что происходит в остальных секторах?

– Во втором секторе у них хозяйственный двор. Там держат кроликов и гусей, чтобы лагерная охрана не голодала.

Сказав это, Яков вспомнил недавний случай. Спавший по соседству с ним Шауль Штарк ухаживал за упомянутыми гусями. В его обязанности входило ежедневно кормить и взвешивать своенравных птиц. Но один гусь неожиданно заболел и умер. Узнав об этом, эсэсовцы Френцель, Бредов, Вагнер и Вайсс обвинили в гибели птицы Штарка и тем же вечером попросту забили Шауля плетями до смерти. Бедняга буквально выл от боли, но с каждым ударом всё тише и тише.

– Ну а что в третьем секторе, ты и сам прекрасно знаешь, – Яков попытался прогнать из головы образ располованной до костей спины Штарка.

Третий сектор – это газовые камеры. Он был для узников «Собибора» закрыт со всех сторон. Они не могли увидеть, что происходило в этом «подлагере», потому что его окружал сосновый лесок.

Они видели лишь крышу «бани», просматривавшуюся за ветвями, и убийственное лицо обершарфюрера Бауэра, стоявшего на крыше этого здания и через маленькое окошко наблюдавшего за происходящим внутри камеры смерти. Но все без исключения узники лагеря знали, что там происходило. Знали, что Бауэр смотрит через окошко и регулирует подачу смертельного газа, проходившего по трубам, сделанным в форме водопроводных. Именно он видел, как газ душит жертв, и именно он приказывал усилить или прекратить подачу газа. Именно он обычно наблюдал за смертельными судорогами и гибелью жертв. По его приказу включали машину, открывающую пол в «бане», жертвы падали в маленькие вагонетки. Они отвозили трупы к местам массового захоронения, а позже, когда времени не хватало, в печи крематория.

* * *

Ещё некоторое время Печерский и Штейн работали в молчании. Яков продолжал искоса поглядывать на Сашу. За последние несколько дней он успел немало узнать о Саше, в основном благодаря тому, что тот охотно рассказывал о себе всякому, кто говорил по-русски.

В этом смысле Якову повезло. У него была природная склонность к изучению языков, и к пятнадцати годам он вполне сносно знал польский, немецкий, русский и немного французский и английский.

Так что к тому моменту Штейн уже успел узнать, что Александр Печерский родился в советском городке Кременчуге. Окончил музыкальную школу, затем работал на паровозоремонтном заводе. В июне сорок первого его призвали в армию, присвоили звание лейтенанта и отправили служить в штаб артиллерийского полка. Затем была операция «Тайфун», оказавшаяся неожиданностью для военачальников Сталина. В результате чего Печерский и ещё полмиллиона красноармейцев попали в окружение западнее Вязьмы. Помощи они не получили.

Лейтенант Печерский вместе с другими бойцами выносил раненого комиссара полка. После нескольких перестрелок остались без боеприпасов и угодили в засаду. Александра отправили в Смоленский лагерь для военнопленных, откуда он вместе с четырьмя товарищами по несчастью пытался бежать. Но их быстро поймали и отправили в штрафной лагерь

в Борисове, оттуда в сентябре сорок второго года перевели в трудовой лагерь СС в Минске. Год спустя его вместе с другими советскими военнопленными-евреями загнали в эшелон, идущий в Собибор.

– Мои товарищи по несчастью не получали ни еды, ни капли воды, – шёпотом рассказывал Печерский, когда они с Яковом упали на свои лежанки в бараке после отбоя. – Удивительно, что за четыре дня никто не умер. Даже двухлетняя Нелли пережила поездку, жаль только, что после сортировки я больше не видел ни её, ни её мать. Памятуя опыт жизни в других лагерях, я сразу же сказал охраннику, что я столяр, и меня направили на работу в мастерскую. По дороге туда я заметил, что к северо-западу от нас появились клубы серого дыма, уносившиеся ветром вдаль. Воздух наполнился резким запахом, запахом дыма без огня.

– Что это там горит? – спросил я невысокого и коренастого еврея, шедшего рядом со мной. «Не смотри туда, – ответил он. – Это трупы твоих попутчиков, которых привезли вместе с тобой». Тогда я почувствовал, что сейчас упаду в обморок, так как понимал, что чудом смог избежать смерти.

– Почему ты думаешь, что смог избежать смерти? – еле слышно отозвался Яков. – Мы все всего лишь получили отсрочку. Рано или поздно они перебьют нас всех. Почти каждый день сюда прибывает эшелон с двумя тысячами человек. Лагерь существует уже полтора года, и среди заключённых нет такого, кто мог бы похвастаться тем, что он здесь дольше пары месяцев.

– Жить без надежды на спасение – значит уже стать мертвецом, – ответил Печерский слишком громко и тут же осёкся. К счастью, его никто не услышал. Поняв, что дальнейшее общение на сегодня лучше прекратить, Саша и Яков отвернулись в разные стороны и постарались уснуть. Травники выделяли узникам на сон не более пяти часов в сутки.

* * *

Дни сменялись ночами, складываясь в недели жизни в аду на земле. Яков впал в немилость капо, и его перевели на работы в третий «подлагерь». Ежедневно он наблюдал за прибытием вагонов, чьи пассажиры были обречены на скорую и ужасную смерть. А Штейну надлежало быть молчаливым свидетелем этих смертей и убирать останки.

Однажды в лагерь прибыл эшелон с заключёнными в полосатых пижамах. Якова поразила их удивительная худоба – мужчины и женщины, судя по их виду, едва могли ходить. Прошел слух, что эти люди, примерно три сотни человек, прибыли из «Майданека», где газовые камеры вышли из строя. Как только заключённые вышли из поезда, их буквально согнали друг к другу. Эсэсовец Френцель отдал распоряжение, и травники взялись за канистры с хлором, выливая содержимое прямо на головы прибывшим заключённым. Травники вели себя так, словно облачённые в пижамы люди уже мертвы.

Прибытие другого эшелона ещё больше поразило Штейна. Говорили, что он прибыл из Львова, но никто точно не знал. Некоторые заключённые рыдали и рассказывали страшную историю: по дороге их травили хлором, но некоторые выжили. Трупы, которые Яков и его товарищи по несчастью доставали из вагонов того состава, были зелёными, а их кожа отслаивалась.

С определённого времени приём прибывающих эшелонов превратился в рутинную процедуру. Как только новоприбывшие выходили из вещевого барака, мужчин отделяли от женщин. Мужчин приводили от сортировочной площадки во второй «подлагерь», где они должны были сдать свою одежду, женщины делали то же самое в другой части лагеря. Если не сразу на площадке перед поездом, то после этого один из эсэсовцев выступал с кратким обращением к заключённым. Обычно, до его перевода в Треблинку, этим немцем был обер-